

4 ЯНВ. 41 4

Гр. НИЛОВ

Наш Московский корр.

346 По ту сторону сцены

Воскресный день в Москве. 12 часов. Через 2 минуты в Большом театре начинается балет «Лебединое озеро».

Вспыхивают огни рампы. Зрительный зал погружается в полутьму. Легкие тени ложатся на пунцовый бархат шпалера и золотое убранство лож. Под величественной белой колоннадой театра пробегают запоздавшие зрители. Оркестр еще ожидает дирижера и пока азартически выдыхают трубы и флейты переговариваются между собой.

Но вот Юрий Федорович Файер занял свое место и постукал палочкой о пудит. Торжественное вступление оркестра, первичный разбег скрипок, нажиме переливы арфы. Под сводами огромного театра плачет строгая и чистая музыка Чайковского, которую недаром называют жемчужиной русской балетной музыки.

...Но мы вошли в театр не через зрительный зал, а с артистического подъезда. Нас обещали познакомить не только с исполнителями ведущих партий, но и с портными, парикмахерами, осветителями, театральными плотниками, чье скромное искусство способствует ослепительному успеху театра.

Нас встретил помощник режиссера спектакля, старший работник театра, бывший артист балета — Георгий Сергеевич Кузнецов. Перед ним клавиш. Где по тактам точно размечено время выхода на сцену каждого исполнителя. Вот Булыгина нагнулась и сказала в микрофон:

— Асаф Михайлович, пожалуйста, скажите сцену...

Из артистической уборной вышел Асаф

Мессерер, танцующий партию принца Зигфрида. Он строен и легок, он свеж и бодр, а между тем, в мае будущего года исполнится 20 лет его артистической деятельности в Большом театре.

За принцем Зигфридом неотступно следует портной Жуков. Он только что полагает Асафу Мессереру одеться, еще раз оглядел — ладно ли лежит костюм, не морщит ли, нет ли где лишние складки. Вот он поднес кушак на костюм принца, взял нитку с иглой, зеркало, грим, пузур в стакан холодного чая. Он знает, помнит весь спектакль, точно знает, в какую кулису выйдет со сцены Мессерер и будет уже ждать его там. В какие-то свободные минуты он еще раз поправит костюм, запузурит не торопясь, даст артисту освятить холостым чаем. Так, ревностно, на протяжении всего спектакля портной товарищ Жуков способствует успеху заслуженного артиста и орлевоносца Асафа Мессерера.

В правой стороне сцены в одной из кулис мы увидели исполнителя роли Олимпиады-Одетты консьержку Ирину Тихомирнову. Рядом с ней стояла театральная парикмахер Елизавета Букетова. Она поправляла на голове Олимпиады парик.

— Клавя у нас — настоящий художник, — говорит Тихомирнова. — Ей кратно рассказать, какой должна быть Олимпиада, и она сразу охватывает образ.

Ирина Тихомирнова всего четвертый сезон в коллективе балета Большого театра, но в ее короткой творческой биографии уже насчитывается ряд ведущих партий. Сейчас она работает над ролью палачки в

прогулку, условившись о занятиях в университете марксизма-ленинизма при Центральном Доме работников искусства, вернулась домой, отдохнула, нежно простилаясь со своим головным сынышкой и отправилась на спектакль.

Сейчас она беседует с заслуженной артисткой республики Евгенией Ивановной Долинской. 35 лет назал юная Долинская, окончив балетную школу Большого театра, появилась на его сцене в качестве солистки. Московские старожилы еще и по-сейчас вспоминают блестящий успех ее выступлений. Вот уже 12 лет как Евгения Ивановна занимается педагогической деятельностью в той самой школе, где она провела свое детство и отрочество. При ближайшем участии этого талантливого педагога и выдающегося постановщика были возобновлены спектакли «Раймонда», «Боевое порубовое», «Тихая предосторожность», «Лебединое озеро».

— А вы знаете, — говорит Долинская, — сегодня «Лебединое озеро» идет в 401 раз в Большом театре. Я не думаю, что за последние 25 лет я хоть раз пропустила этот спектакль.

И тут же обращается к Тихомирновой:

— Ну, Олимпиада, тебе пора...

За кулисами поднимают на трюках белоснежных лебедей. На сцене — осенний парк с позамедленной листвою. Валерий Лебедев молниеносно и виртуозно плывет по озеру, пластичны и плавны их движения и каждое движение органически слито с чудесной музыкой Чайковского.

...Утренний спектакль закончился, лебеди ушли со сцены, угасли осветители освещая себя лимонадом, а за кулисами уже

новом балете «Тарас Бульба».

В этот день, как обычно, Тихомирнова тренировалась в классе, затем совершила

распорядились другие дежурные помощники режиссера.

Театр заполняют пленительные звуки увертюры к опере Иван Сусанин. За кулисами готовят новые декорации. Они качаются, двигаются, взлетают вверх. Советчики пробуют свет, мигают молнии и в серебристом зареве огня сверкают пышные костюмы польской шляхты.

Нам рассказывают, что в спектакле «Иван Сусанин» занято около тысячи человек. В одном только втором действии участвуют сто артистов балета и сто из них playableго мимического ансамбля. Сто человек играют в оркестре, сто выдают поют в хоре и т. д., и т. д. Эти цифры дают некоторое представление о масштабах постановки «Ивана Сусанина». Для участия в афише мобилируется почти весь полный состав работников театра.

...И вот через Красную площадь ведем пленных — спесивых шляхтичей. Как пойманные волки, озираются они вокруг, ожидая выезда Минина и Пожарского. А на площади гремит, разливается радостный гимн во славу родины, народа и его героев. Гудят колокола, к большим присоединяются маленькие и все вместе сливаются в ликующую победную песнь.

Колокольный звон «управляет» старший, пожалуй, единственный специалист этого дела в Москве тов. Кузнецов. В Большом театре оборудована специальная звоношница, где имеется около тридцати колоколов — от колокола-великана до маленького колокольчика с хрустальным звоном. Общий вес их составляет две с половиной тысячи пудов.

Кузнецов работает не только в Большом театре, но и во МХАТе, в спектакле «Царь Федор Иоаннович» и в театре Станиславского. Он звонит по нотам, нажимая ногами на pedals, а руками работая на специальной клавиатуре. У старика уже есть смена. Это его дочь — девочка-пионерка.

Несколько раз она не без успеха помогала отцу в спектакле «Иван Сусанин».

...Через огромную сцену проходили русские ратники в высоких шапках, опоясанные с пиками и бердышами, стрелы в малиновых кафтанах, с пиками на плечах, а сбоку, за кулисами, почти недвижно прильнув к одной из декораций, пристально смотрел на сцену высокий человек в строгом черном костюме. Изредка он повторял, обращаясь к помощнику режиссера:

— Какое великколепие! Ах, какое великколепие!

Это был гость из Риги, солист театра оперы и балета Латвийской ССР Александр Вилкуман. В антракте между двумя действиями Александр Карлович Вилкуман рассказал нам о торном пути работницы искусства в буржуазной Латвии. Он рос, учился, работал в Либавской и Рижской операх, и всюду его неизменно сопровождала горькая настоятельная нужда. Мальчиком, еще учась в школе, он продавал газет. Будучи студентом Рижской консерватории, он не брезговал никаким случайным заработком. Оплата труда оперного артиста в Латвии была настолько ничтожна, что ему приходилось петь в ночных барах и кафе, на подмостках кинотеатра.

— Как часто, — сказал нам Александр Вилкуман, — выступая перед пустым залом, я мечтал о массовом трудовом зрителе, требовательном и отзывчивом. Этот зритель пришел в Рижскую оперу только летом нынешнего года, когда Латвия вошла в семью Советских республик. Но все же напеку зрителю еще далеко до московского. Вы только посмотрите...

И он снова, как завороченный, повернулся к кулисе, выскочив вглядываясь в глубину артистического зала